

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ХВАТАЙ
ИЛОВАЙСКОГО!

Оборотный город

Андрей Белянин

Хватай Иловайского!

«Автор»

2013

Белянин А. О.

Хватай Иловайского! / А. О. Белянин — «Автор»,
2013 — (Оборотный город)

ISBN 978-5-9922-1426-0

Война войной, а свадьба по расписанию! Расступись, нечисть поганая, когда сам Илья Иловайский жениться едет! Вот только надо успеть найти пропавшего курьера с царским приказом. Спасти весь полк от превращения в чумчар. Взорвать деревенский сортир. Выдать кровососку бабку Фросю замуж за трёх женихов сразу. Вырвать из лап упырей младшую дочку губернатора. Выбить зубы потомку Дракуляра. Получить работу в светлом будущем. Послать их с этой работой. Победить всех! Выслушать вопль дяди-генерала: «Иловайский, мать твою-у-у!». Да ещё раскрыть тайну Хозяйки Оборотного города...

ISBN 978-5-9922-1426-0

© Белянин А. О., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Белянин

Хватай Иловайского!

Часть первая

Хватай Иловайского!

– Иловайский!

О-о-ум... Я спокоен, мне тепло, я растворён в мире и мир во мне...

– Иловайски-и-ий!

Моё сознание едино со Вселенной, мои мышцы расслаблены, моё дыхание ровное, мои мысли далеко... далеко...

– Ило-вай-ски-ий!!!

Всё, похерилась полезная медитация на корню дядюшкиными воплями. А ведь вроде только-только начало получаться, и ноги потеплели, и ритм сердца замедлился, ещё чуть-чуть, и воспарил бы...

– Звали, ваше сиятельство?

Я рванул дверь сельской баньки, где мой именитый родственник, титулованный генерал казачьих войск Российской империи Василий Дмитриевич Иловайский 12-й, красный, как восьмипудовая морковка, грелся на полке.

– Пошёл вон.

– Не понял?

– Пошёл вон отсель!

– Так вы ж меня сами звали?!

– Я тя, ирода, полчаса назад звал, водички холодной плескнуться, – обидчиво отвернулся дядюшка. – А щас уже совсем упарился, лишний жар на сердце давит... Вот за что, за что тебя такого на мою голову?

Вопрос явно был риторический, ответа не требовавший, к тому же не новый, он мне его по два-три раза в неделю задаёт. Поэтому я лишь козырнул и бросился в предбанник, оттуда во двор, вернувшись назад с бадьёй ледяной колодезной воды. Вякнуть что-либо против мой дядя уже просто не успел...

– Столько хватит? – не менее риторически спросил я, с головой окатывая его сиятельство.

В единое мгновение он превратился в огромный сгусток пара с одним матерным воплем, плотно заполнившим всю баньку. Я думаю, если б было чем, он бы меня убил. Нет, я б сам себя за такое убил бы, точно!

– А-а-а!... Знаешь, полегчало вроде как... – неожиданно выдохнул наш полковой генерал, с наслаждением вскакивая на ноги. – Даже помолодел, что ли... Полотенце подай!

Так, теряю форму. Обидно. К ведьме-скандалистке бабе Фросе заглянуть, что ли, проконсультироваться насчёт свежих пакостей, а то эти уже приелись.

– И ординарца ко мне! Нехай одеться поможет.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вот такие простенькие приказы вполне по мне. Я в мгновение ока вымелся за дверь, где во дворе на завалинке курили гнутые турецкие трубки рыжий дядин ординарец и мой денщик Прохор.

– Василь Дмитриевич зовёт, помощи требует! Он в одну штанину двумя ногами попал, теперь левый сапог лишний, чё делать-то, а?!

– Балабол! – буркнул рыжий сотник, но встал и пошёл, а на большую критику моей особы в присутствии Прохора не решился. Это разумно, верный денщик и дядюшке не всегда позволяет повышать на меня голос, не то что всяким там...

– А чего орал-то атаман, аж дверь чуть матом не вышибло? – подвинулся на завалинке старый казак.

– Не сразу оценил разницу температур, – наукоёмко объяснил я. – Но потом понравилось, вошёл во вкус, врачи говорят, умеренное закаливание полезно в любом возрасте.

– Ну ты там всяким врачам особо не доверяйся, с заду не подставляйся – запоют о пользе организму, а сами раз к тебе с клизмой!

– Прохор, у тебя такой проникновенный голос, словно ты сам через это прошёл.

– А то, – затянувшись и пуская дым через нос, гордо ответил он. – Я ить по молодости ещё самого графа Суворова застал, Александра Васильевича. Простой он был человек, незатейливый, солдат лечил палками да народной медициной. Вот и мне довелось разок попасть под раздачу... Сам-то я утёк, благо ноги резвые, а семерых наших войсковой фельдшер так наклизмил отваром ромашковым, что хлопцы два дня на службу не выходили! Прямо у сортира палатку себе и поставили, чтоб недалеко бегать. И не поспоришь же, ить приказ самого Суворова!

– Так тебе небось досталось потом?

– Вестимо, досталось, – улыбнулся в седые усы мой денщик, с головой уходя в романтические воспоминания молодости. – Словил нагайкою вдоль хребта, оно, конечно, боль ещё та... Я ж, прежде чем убежать, высыпал картечь, затолкал лекаря в пушку по самую макушку, поднёс фитилёк, а потом и убёг. А при таком катаклизме никому не до клизмы!

...Между тем из банки, подталкиваемый рыжим ординарцем, чинно выплыл мой свежeweмытый дядюшка, сияющий, как самовар у попадьи.

– Иловайский, а ты чего здесь штаны просиживаешь?

– Виноват, не подумал, – подскочил я, вытягиваясь во фрунт. – Не мог знать, что тут ваше законное место! Где прикажете продолжать просиживание?

– Нарываешься, – с удовлетворением крикнул дядя, пожимая руку Прохору. – Ладно, сокол грешный, куда курьер царский с приказом не прибыл, разрешаю тебе до зари в увольнение. Стоняй к своей ненаглядной, отметься чем надо, как положено. А то ещё убьют тебя к бесу за царя да отечество, а ты и потомства не оставил...

– Умеете вы подбодрить, ваше сиятельство. Мне Катеньке так и передать: дескать, по начальственной воле направлен к вам на размножение?

– Ты уж на меня-то всех собак не вешай, – тут же открестился он, прекрасно зная характер моей суженой. – Ну её, прелесть твою кареокую с закидонами опасными. С неё станется и не уважить седин генеральских.

А вот это поклёп. Катя как раз таки и уважит, да так уважит, что с её возможностями мало никому не покажется! Ничего, на месте сам разберусь...

– Разрешите исполнять?

– Валяй. Да тока Прохора с собой возьмишь.

– Как консультанта по размножению? – недопонял я.

– А что ж, мы и в этом деле не пролетели! Старый кот зря не мяучит, молодых учит. Где помять, где куснуть, каким местом развернуть, где лаской, где галопом, чтоб не попасть в... куда не надо! Прощенья просим, Василий Дмитриевич, заигрался я чегой-то, – вовремя опомнился мой бородатый нянька, едва ли не волевым усилием смиряя вконец распоясавшуюся музу. – Пойдём-ка мы по ветерку до ветру...

– Идите-идите, не оборачивайтесь, – тепло напутствовал дядюшка, с натугой соображая, какое же многообразие рифм мог иметь в виду Прохор. Слава те господи, ни до чего, самого простого, не додумался, мозги генеральские на поэзию не особо заточены. Рыжий ординарец

показал нам обоим кулак за его спиной, приснул в усы и пошёл вслед за своим начальством со двора.

К нам же осторожно подсел сельский староста, баньку которого мой дядя, так сказать, и облагодетельствовал самым фактом помывки своего сиятельства. Теперь на неё можно вешать мемориальную табличку, объявлять музеем и за копеечку пускать посмотреть на веник, которым хлестал себя по бокам сам знаменитый генерал Иловайский 12-й! Местные, конечно, пожадничают, но случайно проезжие купцы или скучающие барыньки из соседних поместий вполне могут и соблазниться – для них копейка не деньги...

– А вечор-то нынче тихохонек, – задумчиво окая, протянул староста, отлично зная, с какого боку и на какой козе подъезжать к моему наставнику. – По ночи, поди, опять прохладственно будет. Так вот мыслю, козачки, не пригубить ли нам ядрёную по самому удобному случаю, здоровья ради?

– Я не буду, мне к Кате пора!

– А я и не позволю зазря хлопца спаивать, – поддержал Прохор, железной рукой удерживая меня за ремень. – Придётся мне, твоё благородие, за тебя твою стопочку выпить, ибо отказывать – грех: вечор-то нынче и впрямь тихохонек...

– Дак и мы про што да об чём. – Староста с благородной крестьянской неспешностью достал из-за пазухи плоский казённый штоф, заткнутый серой тряпчочкой. – Прощенья просим, что стопок-то не прихватили. Однако лекарь-то ваш, энтот... Наумыч, баял, што по-учёному водка прям всех микробиев на корню травит! Так, может, ужо и из горла?

– Вампиры завсегда из горла пьют, и ничё, – подмигнул мне старый казак и напомнил: – Ты лыжи-то шибко не востри, али забыл, что генерал приказывал?

– «Прохора с собой возьмёшь», – уныло процитировал я. – Прохор, ну ты ж не маленький, сам понимаешь, что ты мне нужен там, как в гробу гармошка, а в бане – дрессированный ёжик на поводке?!

– Да, понимаю, как не понять, сам молодой был, ничего не забыл. Как выйду с запевками да облеплюсь девками, так жди меньше году, а быть приплоду!

И красней не красней, а урезонить этого станичного виршеплёта не было никакой возможности. В полку даже ходили слухи, что будто бы в своё время мой денщик самого Наполеона в стихах обособачил! Вроде как во время знатной войны тысяча восемьсот двенадцатого года французы на берегу батареи поставили да по нашим солдатам на переправе палили. Так взвод казаков под это дело, разоблачившись до нагиша и на конях, вплавь, с одними саблями в зубах, реку форсировали да на батарею и навалились. Французы до того обалдели от голых бородачей в одних папах, что без пардону дёру дали! А покуда им мюратовское подкрепление пришло, наши донцы все пушки с обрыва в реку турнули. Ну и якобы сам Наполеон Буонапарте, проезжая, шибко грозился, ножками топал, обзывал хлопцев по-всякому, по-корсиканскому. Так вот и наш Прохор тоже не сдержался, вывел лошадь на мелководье, на спину ей встал и императора всея Франции с половиною Европы простым человеческим слогом, народной рифмой, указуя на исконно мужские части тела, так отметелил, что наши от гоготу едва не утопли.

А догадливый Наполеон, говорят, всё-всё-всё понял и впоследствии, уже в плену, с острова Святой Елены писал царю Александру жалобное письмо, требуя за неприличные стишки розгами драть нахального казака. Да вот только где ж его средь Всевеликого войска донского сыщешь? Государь наш усмехнулся эдак в кулачок и дипломатично решил этим делом не заморачиваться.

Но... вернёмся на завалинку.

– Дык у обчества, мил-человек, при всём том просьбишка ничтожная будет до твоего характерника, – важно, словно некую новость, прогудел калачинский староста. – У Фёклы-

то, солдатки, муж почитай уж осьмой годок службу тянет, дак мы о ей и заботу, и уважение проявляем. Нам чужого не нать! Нам своего добра-то хватат! И чего ж?

– И чего ж? – явно подустав от долгих речей с одновременным удерживанием меня, сорвался Прохор. – Ты дело говори, а ваши сплетни деревенские мне как казаку ниже плетня, вдоль лампаса!

– Дык... вот оно, дело-то, как! – даже обиделся староста, демонстративно затыкая бутылку той же тряпочкой, а взамен вытаскивая из кармана новенькую шпору. – Я ж и говорю, што мальчонка ейный младшой, годков четырёх-от, сёдня утром во лесу нашёл! От обчество и спрашиват, могём ли мы тот предмет продать, коли он потерянный? Али, может, характерник твой сам-от купит? Да тока ежели оно как типа улика какая ни есть секретная, дак мы задёшево-то не дадим...

Мой денщик одним ленивым движением развернул моё благородие на сто восемьдесят градусов и сунул шпору под нос.

– Да ну вас всех! Я к Катеньке, цветочку лазоревому, на последнее свиданье опаздываю, а вы тут мне... – В голове что-то щёлкнуло, перемякнуло, по затылку разлилось тягучее тепло, а в левую пятку впились знакомые иголочки. – Так это же шпора царского курьера, что вёз Василию Дмитриевичу срочный пакет из штаба! Где точно вы её нашли, шаромыжники, а?!

– От ить догада, – восхитился бородатый великан-калачинец, цапнул шпору обратно и встал. – Сколько целковых отвалишь вдове-то да и обчеству за сию полезность? Ить, поди, вещица-то ох какая нужная-а...

Мы с Прохором на миг переглянулись и в четыре руки так скрутили делового старосту, что он и пикнуть не смел, а лишь молился свистящим шёпотом:

– Спаси-сохрани, Царица Небесная! Пошто бьёте-то, козачки? Я ж не за-ради какой корысти-то, я тока вдове с пятью дитятами подмогнуть...

– Мы тебя, изменника государева, ещё не бьём, – тепло пояснил мой денщик, едва не рыча от ярости. – А ну говори, собачий сын, где точно шпору нашли?! Говори, когда тебя сам Иловайский спрашивает!

– На живот-то коленом не давитя-а...

– Щас я ему, Илюшенька, на другое место коленом надавлю. Враз голосок тонкий станет и петь будет дуже жалостливо.

– Да скажу я, скажу, ироды! – взмолился бородач. – От кладбишша што дорога-то вдоль леса идёт, вроде на опушке, у поворота, и валялась хренотень энта проклятушшая... Ну слезьте ж со меня, Христа ради! Ить грех же содомский, коли кто со стороны поглядит-от...

– Это он на что нам намёкивает? – зачем-то уточнил у меня Прохор, выхватывая из-за голенища нагайку. – Посторонись-ка, характерник, я тут кое-кого уму-разуму да библейским аллегориям учить буду!

Никогда не видел, чтоб здоровый степенный мужик, полторы сажени ростом, косая сажень в плечах, борода до пупа, так резво прыгал через забор. Нет, знал, конечно, что нагайка и ума прибавляет, и резвости, и юности даже, но чтоб вот так, всё сразу и настолько действенно – любовался впервые...

– А ты что ж стал столбом, пень с чугунным лбом? Раз с курьером беда, значит, нам туда, и уж ночь не в ночь – надо парню помочь!

– Поздно ему помогать, – не знаю откуда, но почему-то сразу понял я. – Но и спорить не буду, ты прав, седлаем коней и до лесу, пока ещё хоть как-то светло...

– Дядюшку вашего предупреждать не надо ли?

– А толку-то? – пожал плечами я, подбрасывая шпору на ладони. – Он по-любому меня на расследование направит, а тебе сопровождать велит. Скачем уж сразу, потом доложимся.

Старый казак что-то хмыкнул в усы, но молча пошёл за мной на другой конец села, где, собственно, мы и квартировались. Именитый генерал, ясное дело, забрал лучшую хату

в Калаче, а я, хоть и его племянник, но человек скромный, чина небольшого (пусть и офицерского), обещанного «Георгия» по сей день не получил, да и кому теперь до наград? Так что мы с моим денщиком-поэтом-балагуром-вдовцом Прохором живём на конюшне, спим на сеновале, он ближе к стойлам, а я на самой верхотуре, под протекающей крышей. Зато и приказы генеральские мне исполнить – только их сиятельству бровью повести! Я уже в седле, усы закрутил, саблю в руку – и полетел характерник служить царю, Отечеству, вере православной да батюшке-Дону...

Ну если уж совсем честно говоря, служака из меня никакой, тут дядя прав. Карьерный рост, золотое оружие за храбрость, ордена да кресты на грудь – как-то всё это не цепляет. Мне бы к разлюбезной сердцу моему Катерине заглянуть успеть, с губ её бутонных поцелуйчик отхватить, а там уж пусть даже и на войну. Куда она, война, от меня денется...

– Илюшка, чтоб ты?! Чего столбом застыл, на какие мысли разлакомился? Иди вона, сам своего чертяку арабского седлай, эта нехристь меня ни в грош не ставит! – обиженно взвыл потирающий плечо Прохор. – И скажи ему, что, если он, крокодил лошадиного племени, меня ещё хоть раз тяпнет, я его оглоблей поперёк хребта при всех кобылах не помилую!

Белый арабский жеребец (подарок благодарных парижан моему героическому дядюшке) прыгал по двору козлом, ржал, махал хвостом и вообще вёл себя как последняя скотина.

– К ноге! – строго приказал я.

Конь прижал уши и, осторожно шагнув в моём направлении, замер, как античная статуя.

– Ты чего меня перед подчинённым позоришь?!

Араб коротко всхрапнул, всем видом изображая, что если я имею в виду своего денщика, то тут надо ещё посмотреть, кто у кого в подчинении...

– И насчёт твоего шибко вольного поведения мы вроде бы говорили не далее как вчера? – сдвинув брови, напомнил я.

Жеребец передёрнул плечами: ну говорили, и что...

– А то, что, если опять будешь кусаться, я на тебя намордник надену, и пусть над тобой все собаки смеются!

Ага, дядин конь угрожающе приподнял заднюю ногу, пусть посмеются, если подойдут на удар копыта...

– Леший с тобой, – сдался я, сунул руку в карман шаровар и вытащил два кусочка сахара. – Получишь после службы.

Белый араб ласточкой метнулся на конюшню и прибыл назад, уже держа седло в зубах!

– Просто к нему подход нужен, – терпеливо объяснил я ухмыляющемуся старшему товарищу. – Оглоблей по хребту, конечно, быстрее, но и животные, они тоже как люди. У них и капризы свои, и настроение, и норов, надо ж по-честному...

– Ну, если по-честному, – не задумываясь, вывел Прохор, – тогда туда он тебя на своей спине везёт, а обратно – ты его!

Дядин жеребец радостно закивал, и мне пришлось показать ему кулак, чтоб не забывался. Но время не ждёт, мы махнули в сёдла, и боевые кони на рысях вынесли нас за околицу, а там по просёлочной дороге, мимо мирно переливающегося закатным золотом тихого Дона, к старому кладбищу, где и вправду за поворотом дороги, у рощицы, стоял могучий дуб. Невысокий, скорее кряжистый, с вершиной, давным-давно расщеплённой ударом молнии. Прохор кинул мне поводья, резвее молодого спрыгнул с седла и полез шарить в траве.

– Потерял чего?

– Это ты, характерник, нюх да совесть потерял. Почему я твою работу исполнять должен? Давай тоже ищи!

– Кого? – ещё раз спросил я.

– Дак курьера же царского, – буркнул он, уже понимая, что всё не так просто. – Но ведь место вроде то?

– Оно самое, думаю, здесь мальчишки ту шпору и подобрали. А вот в то, что и курьер прямо здесь в землю провалился, – верится не очень...

– Ну так ты и давай, поднапрягись! Руками там помаши, разгони морок, сердцем али левой пяткою, да и угадай, что было-то...

– Что было, угадать нетрудно, – помрачнел я, поскольку в тот же миг мелькнувшая у меня в мозгу картинка радости не вызвала. – Курьер мёртв, сумка с пакетом украдена, тело унесла на плече горбатая женщина со странной походкой, в руке у неё была дохлая ворона, а на голове – три горящие свечи!

– Вот прямо тут же всё и прояснилось, – то ли издеваясь, то ли абсолютно без задней мысли широко улыбнулся мой денщик. – А теперь ещё разик напрягись, постарайся, не ленись, хватит, вашеблагородь, ерундину пороть!

Вообще-то, честно говоря, когда я сам попробовал представить ту композицию, что только что бездумно описал, – мне тоже поплохело. Может, мозги под папахой размякли от жары? Или на меня кто из Обратного города порчу навёл, что я хрень бесстыжую несу и язык не заплетается...

– Знаешь, давай всё-таки разделимся, – подумав, предложил я. – Ты проводи меня до кладбища и скажи дяде. Доложи ему, что да как, шпору покажи. Меня заберёшь на рассвете, там же, у могилы. Добро?

– Добро, – покрутив усы, признал мой нянька. – Пистолеты-то зарядил? Как-никак к любимой девушке идёшь...

– Пистолеты при мне, сабля тоже, и в нагайку пулю свинцовую вшил. Так что экипирован по полной! Да и не съест же она меня. Тебе в подарок йогурт захватить?

– А давай! – согласился он. – Вот тока конфету марсианскую не бери, от неё орехи дюже в зубах застревают.

– Это от сникерса.

– Дык не один хрен?

Ну, в принципе один, не стал спорить я. Катенька частенько баловала меня разными вкусностями из будущего, так что и Прохору порой перепадало. Но мы тоже вели себя честно-благородно: обёртки, банки и бумажки всякие безжалостно сжигали в печке, чтоб учёным людям историю не портить!

Мой верный наставник не спеша сел в седло, резко развернул своего коня, не чинясь огрел его плетью слева и справа, и только пыль взлетела серебристым облаком под протирающими глаза, ещё сонными звёздами...

Я наклонился к чуткому уху араба, ласково шепча:

– Не бойся, маленький, я тебя плетью обижать не буду, ты ж у меня и так послушный мальчик, правда?

Жеребец покосился на меня, подумал и яростно закивал. С любым существом всегда можно найти взаимопонимание, этому меня Обратный город выучил. Ведь хоть на минутку представить, с кем я там только не встречался, по сей день мороз по коже пробирает... Обратни, чародейки, людоеды, вурдалаки, привидения, черти, бесы, упыри, колдуны, любая нечисть всех мастей, чинов и мудрёных классификаций. Если б не свет очей моих, розан душистый, Катенька, и ноги бы моей там не было! А тут вот влюбился хорунжий, как сопливый пацанёнок в соседскую девчонку за плетнём, и пропала душа казачья. Уж и в город к силе нечистой сам хожу, кой с кем в приятелях, с упырями да ведьмами общаюсь запросто, а с людоедом грузинским, православной рясой прикрывающимся, бывает, даже хлеб-соль вожу, магарыч пью... Тьфу, самому тошно! А куда денусь-то, любовь, она... любовь...

Старое кладбище за селом давно уже стало для меня родным и привычным. Понимаю, как дико это звучит, но иначе не скажешь. Вот здесь я впервые столкнулся с душегубкой бабкой Фросей, а вот тут араб сбросил меня на кладбищенскую землю, а сюда меня перетащили

на разделку упыри Моня и Шлёма, а вот через эту могилу мы все трое убегали от мстительных молдавских чумчар. Злобные твари к переговорам не склонны, извинений не принимают, жрут своих, и я у них на сто лет вперёд в чёрном списке. Вот уж как помру, так они, поди, мою могилу вскроют, кости обглодают да тогда лишь и успокоятся...

– Ну что, дружище, жди меня здесь. – Я потрепал по шее коня, спрыгнул с седла и пустил жеребца на волю. Араб у меня учёный, один раз его уже в Оборотный город на мясо уводили, теперь он кого постороннего только на расстояние прямого удара копытом в челюсть и подпускает. Пара-тройка чумчар за это уже заплатились крепко...

Хотелось бы, конечно, Катеньку заранее предупредить, да уж поздно. Я разгрёб руками рыхлую землю за покосившимся крестом, нащупал железный рычаг и потянул на себя. Со скрипом и пылью могила открылась, являя аккуратные ступени под землю. Я спустился, уже прикрывая за собой крышку, как... белый араб, спокойно щипавший травку у дороги, вдруг резко вскинул красивую голову, повёл ушами и молнией сорвался с места, исчезая в ночи.

– Что ж тебя так напугало-то? – Я быстро сунул меж землёй и крышкой могилы рукоять пистолета и приник к щели. Неужто чумчары пожаловали?

Но нет, наискосок от кладбища к лесу, переваливаясь с боку на бок, но тем не менее очень шустро пробежала странная женская фигура с горбом на спине и шестью горящими свечами, торчащими на голове, как рога...

– Что за пакость невнятная? – только и успел спросить я, как из темноты грохнул выстрел и кусок свинца вцепился в землю на какую-то ладонь от моей щеки. Второй пули я ждать не стал, мигом выдернув пистолет и наглухо закрыв себя в могиле. Вот ведь дела, ещё и сделать ничего не успел, а уже убивают. И главное, за что? Поди разбери. За то, что к Хозяйке в гости иду, или за то, что заинтересовался пропавшим царским курьером?

Ну, коли по первому делу проблемы, так Катенька и сама за меня любой нечисти пасть порвёт, у неё наказания не застревают. А вот если по второму... Да неужто за нами с Прохором с самого начала слежка была? Поди, и шпору-то курьерскую мальцу специально под ноги бросили, знали, что рано или поздно, а люди к характернику за советом пойдут.

– И всё равно ничего не понятно, – бормотал я себе под нос, осторожно спускаясь по ступенькам в подземные глубины. – Если кто хотел меня из села выманить, так и попроще трюк придумать можно было. А вдруг возьми да и потеряй мальчонка шпору? Или староста её любому заезжему корабейнику за пятак предложи? Не, не я им нужен... А кто ж? Смысл-то офицера с почтой ловить? Дядюшка и так знает, что война, что на Польшу пойдём, так какой кому интерес пакет с приказом красть? Ну не выступит наш полк в срок, задержится на неделю, что с войной-то будет? Без нас, как ни крути, а не кончится. Да и может ли быть решающей задержка прибытия всего одного полка? Ить не Ватерлоо небось...

Чем ниже вели ступени, тем светлее становилось вокруг. Под землёй освещение иное, более рассеянное и голубоватое, как в дождливый день. Вроде и видно всё преотличнейше, однако солнышка не хватает. Уже идя по широкому коридору к арке, я заметил маячившую впереди спину мясника Павлушечки. Известный интеллигент-душегуб, человечинной на развес торгует, но лавку его все хвалят, дескать, и свежатиная всегда есть, и денег лишних не дерёт.

– Кого я вижу, человеке? – радостно обернулся он на звук моих шагов. – Рад, искренне рад. Как не хватает порой нормального интеллигентного общения...

– Это не ко мне, – сразу упёрся я. – У нас в полку интеллигентов нет, дядя при одном слове «интеллигенция» за нагайку хватается.

– Помню оное, досталось в иное время. – Мясник оставил тачку и плотоядно облизнулся. – А ты, казаче, без охраны сегодня? Неосмотрительно сие...

– Когда по личному приглашению Хозяйки, так и охрана не нужна, – нагло соврал я, грозно выгибая бровь. Научился за полгода тренировки перед зеркалом. Говорят, сам Наполеон осваивал это искусство по совету старого циркового клоуна.

– Ну если сама Хозяйка... так что ж... – тяжело вздохнул Павлушечка (ага, бровь-то сработала!). – Мне с ней сейчас ссориться не резон. Хочу лавку расширить, договорился с нужными поставщиками, но без её особого соизволения никак нельзя. Может, замолвишь словечко, казаче?

– А мне-то что за интерес...

– О, цену деловой подход. – Людоед попытался приобнять меня за плечи, но замер, стоило мне положить ладонь на рукоять пистолета за поясом. – Да-да, сам не любитель лишних фамильярностей, гигиена – залог здоровья!

Кто бы говорил... Эта ходячая гора сала мылась раз в год, и то вряд ли, вечно перепачкан жиром и подсохшей кровью, а если его мясницкий передник выстирать в Доне, то на три версты ниже по течению вся рыба всплывёт кверху брюхом!

– Так вот что я могу резонно предложить. – Он вернулся к своей тачке, где лежало чьё-то позеленевшее тело, прикрытое рогожей. – Ты у Хозяйки добываешь разрешение письменное на строительство *магазэна* по французскому образцу. Широкое, просторное, с дегустационным зальчиком а-ля бистро. А я тебе за соучастие – оговорённый процент. Предпочтёшь деньгами или производимым товаром?

– Сосиски «дамские пальчики»? – припомнил я, и меня передёрнуло. – Спросить спрошу, а платить будешь услугами.

– Какого толка услугами, казаче? – неожиданно покраснел он, кокетливо одёргивая замызганный передник.

Наверное, тут бы и пристрелить подлеца за такие мысли, но мы шагнули за поворот, а там под аркой уже стоял навытяжку бдительный бес. Господи-боже, даже не со старым фитильным ружьём, а с кривым турецким луком! Ох нет, мама дорогая, с такой допотопщиной меня ещё не встречали...

– Стоять, руки вверх! Щас обоих стрелять буду!

– Остынь, бесове... – укоризненно прогудел Павлушечка. – Я это, ты меня знаешь. А тот, что со мной, так сам хорунжий Иловайский. Или тебя старшие товарищи о нём не предупреждали?

– А чё меня предупреждать, – нагло оскалился бес. – Нешто я эту военщину усатую и сам не знаю... Стоять, кому говорю!

Мы переглянулись, но встали. Интересно, что дальше?

– А дальше пушай мясник своей дорогой идёт, у меня к нему претензий нет. Но ты, хорунжий... Помнишь, злыдень в лампадах, как мне в ружьё песку насыпал, а?!

Я пригляделся к гневной мордочке беса. Память услужливо подсунула подходящую картинку: тот же бес, весь чёрный от пороховой гари, с обожжённым пяточком, держащий в лапках ружьё, увенчанное чем-то вроде железной ромашки. Да, рвануло тогда неслабо... Но ведь весело же было, и сувенир оригинальный, чего ж злиться-то?

– Ан вот теперь и я потешусь! За всех наших тебе отомщу. Посторонись, толстый, я щас буду из казачка ёжика делать!

– Это первая услуга, – с нажимом напомнил я отступающему Павлушечке. – Ты просто иди своей дорогой, а мы тут вокруг побегаем.

Бес натянул тетиву до уха, но я уже успешно спрятался за непробиваемой тушей мясника.

– Эй, хорунжий, ты это чё? Это приколы, что ль, такой, я не понял? А ну вылезай, я в тебя стрелять буду!

– Вперёд, – скомандовал я, с трудом сдерживаясь, чтоб не пнуть людоеда по заднице. Так сапоги ж потом ничем не отмоешь...

Павлушечка бодро потрусил к арке, толкая тачку, а мы с бесом развлекались вовсю – шумно и весело!

– Стоять, я ж... ага, попался! Ой, извини, Павлуша... Стой, гад, я из-за тебя не в тебя попал! Ага... ой, извини, Павлуша... Нет, ну у тебя совесть есть, хорунжий?! Стой, я... щас... вот... ага! Ой... ой... ой... Извини, извини, извини, я не хотел, это всё Иловайский... Ага! Ой...

К тому моменту, как у самых стен Оборотного города яркий задиристый офицер в мундирчике Преображенского гвардейского полка окончательно расстрелял все свои стрелы, я уже слегка запыхался. Колышущейся туше мясника-интеллигента стрелы причиняли не больше вреда, чем китайское иглоукалывание. То есть в некоторых местах было даже полезно и приятно.

Правда, последнюю стрелу увлѣкшийся бес-охранник прямо выпустил в... Короче, дикий вой Павлушечки, уязвлѣнного в самую чувствительную точку, едва не заставил меня присесть.

– Уй-й-й-я-а-ай!!! Попал, гадѣныш, из лука в уретру-у!

– Это типа поразил, как Давид Голиафа? – шѣпотом уточнил спрятавшийся за моей спиной маленький преображенец. – И чего он так на какую-то уретру жалуется, я вроде под фартук попал...

– Это по-латыни, – решил я, сам не зная толком, о чѣм речь. – А ты бы давал тягу на всех копытцах, пришибѣт ещё...

– И то дело! Прощевай, Иловайский, я тя в другой раз дострелю, договорились?

– Замѣтано. – Я добавил ему коленом скорости, и ретивый бес смылся прежде, чем эхо Павлушечкиных воплей дважды облетело весь Оборотный город.

Я тоже предпочѣл бы удрать под шумок, но куда там... На крики голого трупоеда быстро сбежался народ. А какой народец живѣт в подземном городе нечистой силы, объяснять, полагаю, не надо уже никому?.. Не прошло и минуты с того момента, как бедный мясник ухитрился выдернуть из-под фартука застрявшую стрелу, как мы с ним оказались в плотном кольце облизывающихся горожан. Причѣм на Павлушечку никто слюни не пускал, главное блюдо тут по-прежнему вкусный я...

– Глянь-кась, сожители, – протѣрла глаза старая ведьма с бородавочным лицом. – Неужто мясник в свою лавку живого хорунжего привести умудрился?

– Кажись, так, – поддержали её два молоденьких упыря журавлиной стройности. – Да тока нам-то с того одно взаимное мордобитие?

– Да уж! – погромче прокашлялся я. – Традиций нарушать не следует, Хозяйка не одобрит. Раз я пришѣл, давайте не филонить тут... Засучили рукава, и чтоб каждый два раза соседу в рыло!

– Минуточку, дамы и господа, – неожиданно вмешался какой-то клыкастый хмырь, когда нечисть уже привычно разбилась по парам в приблизительных весовых категориях. – Что мы как дети, право? Чуть увидели хорунжего, и в драку...

– Так это ж сам Иловайский! – шѣпотом пояснили ему.

– Я в курсе. Имел честь, так сказать, и тоже был за него бит. Но, может, мы его пока хотя бы свяжем? А то опять как все в себя пришли, а казаком уже и не пахнет...

– Дык... почему бы и нет-то? Дельная мысль! – перешѣптываясь, признал народ.

Я с подозрением покосился на двух... трѣх... четырёх бесов и ведьм, двинувшихся ко мне с верѣвками. Поумнели, что ли? Не, не, не, мы так не договаривались...

– Павлушечка, придержи хорунжего, чтоб не убѣг, покуда мы буцкаемся!

Интеллигентный людоед-патологоанатом, знаток латыни, радостно обернулся и... Я даже сам не сразу понял, как взлетел ему на шею, свесил ножки и приставил заряженный пистолет к уху:

– К Хозяйке, бегом, живо!

– Гляньте-ка, чѣ творится, а?! – вновь взвыла та же бабка, угрожающе тряся грудями. – Энтот маньяк в папахе да эполетах нашего мясника посредь бела дня угоняет! В Турцию, поди?

А там ещё евнухом горбатиться продаст, уйму деньжищ на том слупит, а нас навсегда без мяса покойнического оставит... Не пуцу-у!!!

– И впрямь, Илюшенька, – вмешался брутального вида плечистый чёрт с чёлкой набекрень и усиками квадратиком. – Слезли бы вы с уважаемого Павлушечки, он нам всем очень дорог. Мы даём честное слово, что не заставим вас долго томиться связанным – быстро подерёмся и не больно вас съедим. Честное благородное!

– В галоп, – приказал я, сжимая коленями толстую шею мясника, но тот неожиданно заартачился:

– Ты меня ещё взнуздай, человеце! Я не бабка Фрося под твоим седлом ходить. Я мужчина с образованием, вкус имею и диплом международный, и...

– Пристрелю, – хладнокровно пообещал я, взводя курок.

Толпа замерла... Потом кто-то из мелких упырей азиатской внешности громким шёпотом спросил у соседа:

– Чё ж он не стреляет-то? С Павлушечки-то небось в пять раз больше мяса будет! А хорунжий уже к основному блюду как гарнир пойдёт!

Толстый голый гигант придушенно икнул и рванул с места не хуже моего арабского скакуна! Нечисть с энтузиазмом ударилась в погоню...

– Ату их! Лови-хватай! Павлушу-мясника первого на фарш, в ём чистого жиру – каждому по бидонухвати-ит! Хорунжий, стреляй! Стреляй, раз обещал, не разочаровывай честную публику!

Ох, кто бы знал, как трудно мне было усидеть на толстой, жирной, скользкой да ещё и потной шее перепуганного торговца человечьим мясом... Павлушечка, сверкая голым задом, нёсся к Хозяйкиному дворцу самой короткой дорогой, не особо заботясь о тех, кто попадал ему под ноги. Группу заморских гостей китайской внешности с гидом-переводчиком из Сиона он практически разутюжил по обе стороны узкого проулка. Пока жид лалялся ему вслед на иврите, кое-кто из наиболее ушлых ведьм быстро отскребали китайцев от стены, скатывали в коврик и уносили к столу, как рулеты.

– Сзади, слева, на бреющем идут, – орал я на ухо своему «скауну», упреждая налёт двух молоденьких (традиционно голых) ведьм сверху из-за соседних крыш.

Павлушечка неожиданно изящно наклонился, на ходу оторвал половину ближайшего забора и, словно веером, отмахнулся им от налетевших прелестниц. Прямо на моих глазах они кубарем ухнулись в чью-то каминную трубу, а через мгновение вылетели оттуда чёрными, с дымящейся паклей вместо роскошных волос, и бросились вдогонку уже пешком, но с такими матюками, что я за жизнь бедного мясника не дал бы и медный грошик. Однако Хозяйкин дворец был уже близко...

– Беги, человеце, без тебя меня не тронут, – едва дыша, простонал толстяк, ставя меня на булыжную мостовую перед воротами. Две огромные львиные головы медленно распахнули медные пасти, и погоня встала как вкопанная.

– Ну и типа чего? – раздался над притихшей площадью нежный голосок моей Катеньки, многократно усиленный динамиками.

Воодушевлённая и набитая здоровым энтузиазмом толпа замерла в многозначительных красивых позах.

– Я второй раз вежливо, без намёков и угроз, толерантно интересуюсь, это тут чё было, ась?

– Стоит ли ситуация вашего внимания, о нетерпеливейшая? – вякнул какой-то храбрец в полном доспехе английского рыцаря времён Крестовых походов. – Мы не вершим неправедных дел, а лишь осуществляем своё право на законную охоту...

Левая от меня львиная голова пустила короткую прицельную струю огня. Кто бы ни был внутри доспехов, ему каюк. Над площадью явственно пахло печёным мясом. Толпа отшатнулась, но мигом повеселела.

– Ах, спасибо тебе, матушка! – нестройно раздалось из первых рядов. – Коли уж хорунжего нельзя и мясник Павлушечка городу ещё нужен, так хоть какого правдолюбца захарчить и то компенсация!

– Я справедливая?

– А то!!! – хором грянула нечисть, изо всех сил стараясь, чтоб верноподданныческий тон был поискреннее.

– Я хорошая правительница?

– Лучше и не бывает, матушка Хозяйка! – Народ в единодушном порыве стал бухаться на колени, потому что львиные головы явно брали дальний прицел.

– Я красивая?

Неожиданно повисла раздумчивая тишина. Видимо, нечисти такой вопрос по отношению к главе Обратного города даже в голову не приходил. Какая кому разница: красивая она или нет? Её в реальности-то и не видел никто. А по тем личинам, что она на себя надевает, как судить?

– Матушка, а подумать можно? – наконец решился кто-то. – Ну хотя б до вечера...

Я зажмурился, потому что ответ мог быть только один. Однако вопреки всему львиные головы опустили горящие глаза, всепожирающий пламень не вырвался меж их оскаленных клыков, и народец под шумок попятился ракоподобным образом от Хозяйкиного дворца.

Я быстренько прошёл от ворот, через калиточку, внутрь, прямо в загон с чудовищными псами. Помесь мастифов и каких-то инопланетных демонов, как мне рассказывали. Рвут всё, что шевелится, зубы в два ряда, остры, как чеченские кинжалы. Сами пёсики с двухлетнего телёнка величиной, но меня любят до беспамятства. Я тут, похоже, единственный, кто с ними играет, чешет им пузо, треплет по холке. Катерина их кормит, конечно, но в загон не заходит. Говорила, дескать, они там прежнего доцента сожрали. Ну, спорить не могу, всякое возможно, однако ж ни меня, ни Прохора покуда не кусали, разве обслюнявливают так, что потом полдня отмывайся...

Мне было приятно уделить адским псам пару минут ласки, чтоб не рычали, и, заперев дверцу загона, направился к дому Хозяйки. Называть его «дворцом» всё ж таки преувеличение, а так дом крепкий, добротный, в три этажа, за серьёзным забором. Больше даже крепость, чем дом, но внутри всё уютно и чистенько, женская рука чувствуется.

– А-а, Иловайский пришёл! – счастливо обернулась ко мне свет мой Катенька, болтая ногами на вертящемся стуле.

Сегодня на ней были облегающие джинсы и свободная рубаша цельного кроя с надписью на груди «kiss me» и «kiss me»... Что сие значило, уточнить не успел, ибо был обнят и расцелован в щёку красавицей Хозяйкой.

– Заходи, садись, я тебя не ждала, поэтому не причёсана, не надушена и намазана абы как, но ты не бойся, я тебе йогурт дам, и мексиканская смесь замороженная есть, будешь?

Я только кивнул, поскольку вставить хоть слово в эту канонаду было никоим образом невозможно. Тут надобны простые действия – кивки, поклоны, улыбки. Так, чтоб и внятно, и не провоцировало, а рот лучше не открывать.

– Сiju себе за компом, пложу зайчиков в «чудесном лесу», никого не жду, от начальства прячусь. Думаю, кто бы у меня пару пакетов комбикорма сгрыз, третий месяц в холодильнике лежат, а тут ты, непривередливый! Опаньки, праздник!

Как видите, в моих ответах нужды не было, я – так, для фону. Оно и понятно, когда человек основное время в своей хате проводит, ни друзей, ни приятелей, ни на улицу погулять,

ни на праздник престольный в церкви показаться, одна работа учёная да нечисть вокруг, – поневоле, поди, сам с собой разговаривать станешь...

– Зоренька моя ясная, – решил я, видя, как она суетливо гремит блюдами да ложками на своей маленькой кухоньке. – Может, тебе подмогнуть чем? Щец сварить али кулеш запарить...

– Кстати, да! – на миг задумавшись, обернулась Хозяйка. – Сунь в микроволновку овощи и подогрей молоко. Я сгоняю вниз, в кладовку, вроде там сосиски оставались. А если нет, на крайняк тебе вегетарианское рагу получится, а я хлопьями перебыюсь. С печкой справишься?

– Э-э...

– Ясно, инструктирую необразованное донское казачество. – Катя ткнула пальцем в белый ящик со стеклянной дверцею. – Вот сюда овощи кидаешь. Не в металлической миске! Только в фарфоровой! Кнопка – время, кнопка – мощность, закрыл, нажал, всё. Как готово, сама выключится. Вопросы есть, хорунжий?

– Вопросов нет, – подтвердил я.

И впрямь, чего сложного-то? Я взял холодный пакет с заледенелыми овощами и, положив его на фарфоровую тарелку, сунул в печь. Ах да, Катенька ж ещё про молоко говорила. Достал короб бумажный из холодильника и туда же, в печь, до кучи. Теперь мощность и время. Я наугад потыкал кнопки, вроде складно выходит. Латинское слово «старт» мне было по книжкам известно. Чудо-печка приятственно заворчала, а потом как...

– Иловайский, мать твою, что взорвалось?!

А ведь я и не знаю. Очнулся от Катиного вопля в соседней комнате, под кроватью, куда, видимо, был выброшен взрывной волной из горячего молока, зелёного горошка, лука кружочками и морковки кубиками. Один такой, зараза геометрическая, с размаху стукнул меня в глаз, да больно как... Глаз слезился, а протереть его хоть рукавом было жутко неудобно, потому что мне кто-то мешал. Кто-то большой, холодный, в мундире с эполетами, чёрных ботфортах, с бледным ликом, с усищами и сквозной дыркой во лбу! Когда я понял, с кем лежу под кроватью, меня оттуда словно вторым взрывом выбросило...

– Ты чего мне тут натворил, идиот некультуренный?!

– У тебя труп под кроватью.

– Электричество по всему дому вырубил, печка сгорела на фиг, рагу по всей квартире!

– У тебя труп под кроватью.

– Какими военными мозгами ты думал?! Кто в микроволновку ставит нераспечатанную коробку молока и овощи прямо в вакуумной упаковке?!

– У тебя труп...

– Хватит долдонить, не глухая! – окончательно взбесилась Катенька, мечая искры глазами и смешно выпуская пар из покрасневшего носика. – Да, я поняла, что у меня труп под кроватью, а вот ты, похоже, так и не понял... Что?! Что у меня под кроватью?! Труп?!!!

Я кротко кивнул, делая самое смиренное лицо. Катенька о-о-очень осторожно нагнулась, приподняла край покрывала, охнула и, попятившись, плюхнулась в кресло своё чудесное на колёсиках. До стенки на нём доехала, врезалась спинкой в книжную полку, словила толстым томом «Сказки народов СССР» по маковке, но не обиделась, а замерла просто. Очи прекрасные долу опустила, реснички не вздрагивают, рученьки вниз, ротик распахнула и язычок эдак набок... Может, всё-таки крепко её пришибло-то? А ведь спросить и неудобно, «мол, не стукнутая ли ты, звёздочка моя?», вдруг огорчится девушка...

– Милая, я вообще-то к тебе по делу пришёл, – осторожно склонившись к её ушку, начал я. – Тут, понимаешь ли, зоренька моя ясная, ситуация складывается в несколько противоречивой пропорции. Я о чём? А о том, что война у нас. Государь император полк на службу призывает, к защите и охране Отечества, так сказать...

Катя молчала, зачем-то сведя глазки к переносице. Я заботливо вытер ей слюнку, сбегавшую из уголка ротика, и продолжил:

– Так вот, на этой войне, говорят, всякое бывает. Хотя поляки народ европеизированный, не чуждый культуре, живописи и музыкальными салонами повсеместно отмеченный, однако мирные увещания до них не доходят. Вот дядюшка и отправляет меня со всем полком или, вернее, весь полк со мной до кучи Вислу форсировать. А это (туда-сюда – да, повоевать – да, помириться – да и назад с победой), а по-любому уж раньше зимы и не вернёмся! Так к чему я... Будешь ли ждать меня, зоренька ясная?

Я осторожно погладил её по голове, чувствуя всей ладонью, какую шишку она отхватила. Надо бы что-то холодное приложить, а то так и до мигреней недалеко. И без того у благородных девиц принято, как муж к ней в постель, так у неё «голова болит...», а Катеньку теперь и в лукавстве не упрекнёшь, коли сам видел, как пришибло по темечку. Ох и горе-то...

Я рысью метнулся к холодильнику, ножом наскрёб льда из морозилки и прихватил оледенелую пачку сосисок. Возложил всё это на голову любимой и аккуратно тряпочкой перевязал. Небось поможет...

– Ты, ласточка моя, тут посиди, а я улики разные поищу, мне тоже интересно, откуда у тебя под кроваткой мужской труп, да ещё того самого курьера, который в наше распоряжение государев пакет доставить был должен. Курьер-то вот он. А где пакет?

Я бегло осмотрел спальню своей суженой. Нашёл много интересного, но на пакет с приказом непохожего. Коробочка бумажная с ватными рулончиками, и у каждого верёвочка. Бельё женское, возбуждающее до крайности. Штуковина непонятная, «Электрошокер» написано. Маска кружевная на глаза, да тока без прорезей. Листок картонный, какой-то женский клуб «Эгоистка», пять процентов скидки на стриптиз, и негр мускулистый нарисован с клубничкою. Надо при случае хоть спросить, что это да с чем едят. Может, приглашение какое в Африку, клубнику собирать, так у нас на Дону она и покрупнее будет, и негров напрягать не надо. Где ж пакет-то? В общем, когда я заканчивал обыск кухни, до меня доковыляла мокроволосая Катенька.

– Краса моя ненаглядная, ты чего ж вскочила, а? Тебе лежать надо да лёд на голове держать...

– Пошёл ты знаешь куда, Пантелеймон-целитель, – тепло послала меня она, клацая зубами от холода. – У меня все мозги замёрзли, до ушей дотронуться боюсь – отпадут с морозным хрустом. А теперь дай мне стакан спирта внутрь и расскажи – на фига ты мне труп под кровать сунул? Я буду пьяная, я всё прощу...

Это она погорячилась, конечно, в плане спирта. И мартини вполне хватило, полбутылки залпом из горлышка. Никогда её такую не видел. Так хорошо ещё, что показано это дело мне было до свадьбы, а то ведь и не знал бы, какую пьянчужку синюю под венец зову...

В общем, пока грозная Хозяйка Оборотного города с ногами забралась на вертячее кресло, как курица на насест, и прихлёбывала винцо своё сладенькое, я честно-пречестно всё ей рассказал. То есть практически всё, что знал про шпору, про курьера, про старосту, про дядю в бане, про...

– Та-ак... с курьером я всё поняла, а вот насчёт размножения со мной из-за какого-то там конфликта с Польшей? Ну-ка с этого места поподробнее...

У меня похолодело меж лопатками. Роскошная Катина грудь под натянутой футболкой грозно вздымалась и опускалась. Само движение весьма возбуждающе, но эмоциональный посыл... Пристань сейчас с ласками, так пришибёт на месте, и сгину ни за грош во цвете лет, без надежды на продолжение рода!

– Это не я... – осторожно начал я, пытаюсь объехать её на хромой кобыле задом наперёд. – То есть, конечно, я, речь-то обо мне, но не я это придумал. Я-то как раз и не...

– Что?!

– Не строй поспешных выводов, милая, я-то как раз думаю, что, если тебе так уж невтерпёж, так ты бы и сама меня...

– Хватит юлить, Иловайский. – Катя протянула руку и вытащила у меня из-за пояса тульский пистолет. – А теперь – правду, только правду и ничего, кроме правды!

Ну, тут уж, сами понимаете... Под дулом пистолета, направленного в мою сторону, мне не оставалось ничего иного, кроме как выложить всю подноготную, сдав с потрохами и дядюшку, и Прохора, и даже моего араба, который меня сюда завёз. Катенька слушала не перебивая, поджав губки и не сводя с меня пристального, даже какого-то законодательного взгляда, словно она сейчас Фемида с двумя чашами и мои грехи явно перевешивают...

– Спасибо, милый, я в теме. А теперь заткнись, мне подумать надо.

Ствол пистолета переместился с линии моего живота на центр папахи. Пауза затянулась настолько, что я решил сбегать в сортир, но передумал покуда. Засмотрелся на задумчивое лицо Катеньки, полное глубоких тайных мыслей, разгадать которые я и не пытался даже, уж слишком явными они были.

– По идее я должна грохнуть вас всех, включая арабского жеребца. Его-то как раз и жалко, он скотина подчинённая. Остальные у меня сочувствия не вызывают. Да и жеребец, впрочем, не так чтоб уж очень. То есть жалко, но не до слёз...

– Это всё дядя придумал, – на всякий случай напомнил я.

– Да-да, дядя, кто ж ещё? Я помню, кто у нас вечно крайний.

Дуло пистолета покачалось справа налево и остановилось у меня ниже пояса.

– Давай уточним, Василий Дмитриевич послал тебя ко мне заняться сексом...

– Чем? – перебил я.

– ...размножением, блин, фамилии Иловайских! Не перебивай! Короче, тебя послали, ты возбудился и поехал. Так, да?

– Не-э-эт! Что ты, солнышко?! – праведно возмущился я, чувствуя, как предательский пот бежит по загривку вдоль спины. – И в мыслях не держал к тебе с такими грешными мыслями до брака тыкаться! Это всё дядины заморочки, я-то всю дорогу только о курьере царском и думал. Не о глазах твоих дивных, не о щёчках румяных, не о шейке белой, не о грудях наливных...

– Каких? – чуть потеплел Катин голосок.

– Об этих вот... Роскошных, спелых да тёплых, как солнце, когда за Дон садится и на две половинки горизонтом речным делится...

– Иловайский?! Ты что, издеваешься? Если две половинки круга, так это, оригинал ты в лампасах, больше на задницу похоже!

– Ну и что? – не стал спорить я. – Да хоть бы и так! Ты мне и с зад и с передо одинаково небезразлична!

– Дубина-а, – вздохнула Катенька, отложила пистолет и руками нежными, словно крыльями, шею мою обвила. – И за что я тебя такого люблю?

– За ум и красоту, – рискнул предположить я, но она только жалостливо всхлипнула в ответ.

Прообнимались мы, поди, минуты две. Потом грозная Хозяйка резко опомнилась и, не оборачиваясь на меня, откатилась к своей волшебной книге-ноутбуку.

– Так-с, после некоторых событий, связанных с психованным оборотнем, которого ты же на меня и натравил...

– ?!!

– Не перебивай!

– ...

– Короче, теперь у меня и в хате три видеокамеры. Как решим порезвиться в постели, не забыть бы выключить! А то ещё останется в памяти да уйдёт на автомате в центр вместе

со всеми моими отчётами. Представляешь, как весь научный свет от нашей порнушки файлообменником накроется? Мы ж будем звездами экрана на всех торрентах!

– ??? – Я так и не смог внятно сформулировать вопрос, а о чём это она вообще и, главное, с кем...

– Всё. Поняла. Каюсь, дура непедагогичная. Иди сюда, любимый, гляди!

Большой экран ноутбука разделился на три неравных прямоугольника, показывая нам главную комнату, спальню и кухню.

– В ванную с туалетом я, естественно, видеокамер не ставила, – шёпотом пояснила Катя. – Чего там может быть интересного, банальная бытовуха. Тебе бы не понравилось.

Я открыл было рот попротестовать насчёт «не понравилось» в ванной, но в этот момент моя милая решительно дёрнула меня за воротник, пригибая к экрану.

– Вот! Вот оно, смотри! Давай ещё раз прокручу!

Моему взору предстала прекраснейшая картина, где ещё сонная Катенька левой рукой откидывает с себя бархатное одеяло и потягивается в обворожительной полунагоде, едва прикрытая тончайшей рубашкой с зелёными кружевами. Встаёт, эдак красиво отставив ножку, семенит к окну, улыбается началу нового дня и... зеваёт, не прикрыв рот, и, переваливаясь, как медведь в спячку, уходит из спальни, почёсывая поясницу.

– Дурак! – вспыхнув, хлопнула меня по плечу густо покрасневшая Хозяйка. – Ты на что смотришь? Ты сюда смотри, что это?!

В оконном проёме на миг мелькнула серая тень, и экран померк. Потом снова включился, так, словно его какой тряпкой на пару минут занавесили.

– Получается, что кто-то проник ко мне за забор, влез на подоконник, закрыл камеру слежения и засунул под кровать труп. Зачем?

– Может, это взятка такая? – предположил я. – Ну вроде как решили тебе сюрпризом мёртвое тело подсунуть. Вдруг ты голодная и обрадуюсь?

– А-а... в принципе это запросто, местные и не на такое способны. – Катя задумчиво почесала самопишущим пером за ухом. – Ладно, попробую перекинуть копию записи нашим модераторам наверху, может, у них в компьютерной обработке чего выяснится. Да, и по твоему предыдущему вопросу – размножения сегодня не будет, усёк?

– И завтра?

– И послезавтра, и на неделе, и ближе к концу месяца, а с такими весёлыми наездами, может, вообще никогда. Я тебе не резиновая Зина из секс-шопа, не турецкая одалиска с буквой «т». Я – хорошая, приличная, из благородной семьи и с высшим образованием. Ясно?

– Чего ж неясного, звёздочка моя кареокая. – Я старательно пытался сообразить, куда она клонит. – Так видно, что сватов пора засылать к твоим отцу-матушке. Да у дядюшки, поди, оно и не застрянет, скажу, куда да когда, он и пошлёт!

– У твоего дяди, как кого посылать, действительно не застревает, – неожиданно помрачнела моя краса, словно облачко скользнуло тенью на её милое личико. – Некуда сватов засылать, лап... Я детдомовская.

– Сирота? Ох ты ж господи, горе-то какое... – У меня на глаза чуть не навернулись слёзы. Я погладил её по голове, неосторожно коснувшись шишки...

– Ай-й-я-а!!!

– Прости, родная, не хотел...

– Главное, чтоб теперь я хотела! – вздохнув, огрызнулась она и, повернувшись на стуле, сама прильнула щекой к моей груди. – Ну как сирота... До трёх лет жила в детдоме. Потом меня удочерили профессор Тихомиров с супругой. Они хорошие люди были, я их всегда любила, как папу и маму, но забыть о детдоме не могла. Впрочем, мне и не давали. Знаешь, какими злыми могут быть девчонки с твоего двора, в присутствии которых их настоящие родители обсуждали моих, удочеривших...

Я промолчал, обеими руками нежно обнимая её за плечи. Знал, конечно, на собственной шкуре знал, как безотцовщина всякого натерпелся, но у меня-то до сих пор и мама есть, и две сестры. А у ней, выходит, совсем никого...

– Они давно умерли, лет пять уже, я ещё училась тогда. В аварию попали, машина всмятку, а я потом вот... Ладно, проехали, не хочу вспоминать. Тебе не пора?

– Нет, – честно ответил я.

– Вообще-то это был непрозрачный намёк. Если кто не понял.

– Так ты гонишь меня?!

– Не гоню! – Катя повисла на мне, когда я рванулся к дверям, и поехала вместе со стулом. – И ты не гони, куда так втопил педаль газа?! Короче, милый, родной, ненаглядный, ну сам прикинь, какая, к чёрту, любовь, когда у меня труп под кроватью? Я ж ни расслабиться не могу, ни получить удовольствие. Вот в следующий раз давай вместе создадим атмосферу – полумрак, свечи, шампанское, музыка, тыры-пыры... понимаешь?

– Тыры-пыры, понимаю, – сдался я, так как ни сердиться, ни обижаться на неё долго не могу. – Когда в другой раз на свидание прийти позволишь?

– Вот как с телом этим разберёшься, так и приходи. Я тебя так поцелую-у-у...

От такого её обещания у меня словно крылышки за спиной проросли. Эх, любо, братцы! Да неужто я с загадкой этой курьерской не разберусь, когда меня такие губы сахарные наградою праздничной ожидают?! Опять же и дядя, как ни крути, а на мои эполеты это дело повесит...

– Эй, конь педальный, – холодно остановил меня на пороге Катенькин голосок. – А кто отсюда труп унесёт? Нет, я, конечно, могу за забор выкинуть, наши его вмиг обглодают, но тебе вроде как улика нужна была. Что дяде-то представишь, мм?

Я хлопнул себя по лбу – и правда, не оставлять же здесь убитого человека! По нему расследование произвести должно, а потом и похоронить по христианскому обряду. А в Оборотном городе его оставлять никак нельзя, для местных – это не героически погибший офицер, а свежее мясо.

Когда я выходил из ворот с трупом курьера на спине, Катенька ободряюще махала мне в окошко и даже послала воздушный поцелуйчик. А потом ворота захлопнулись и...

Ну то есть не сразу, а где-то через минуту-другую ко мне под папаху вдруг забрела робкая мысль: а далеко ли я уйду с мёртвым телом? Собственно, отвечать на этот вопрос как-то не очень-то и хотелось. Уже потому, что скучно, банально и предсказуемо – недалеко, и к гадалке не ходи! Можно, конечно, попробовать прошмыгнуть переулками, ни на кого не нарвавшись, но это вряд ли. Город живёт шумно и активно, так чтобы совсем никого не встретить – нонсенс, но других вариантов тоже нет. Пойду, что делать, хуже не будет...

– Да, блин, вспомнила! – внезапно проснулись львиные головы, громогласно оповещая все улицы. – Хорунжий Илья Иловайский несёт труп бесчестно убитого офицера к себе домой! Препятствий ему не чинить! Никаких! Узнаю – начну зверствовать! А может, и не начну, чей-то у меня сегодня настроение романтическое... Налю-ка ещё martini. «И твои изумрудные брови колосятся под знаком луны-ы...» Какая хрень, кто бы послушал? А что, я микрофон не отключила? Упс...

Я, кажется, говорил, что «хуже некуда»? Поздравьте меня. Только что всё изменилось. Если мир не перевернулся и Оборотный город не сменил ориентацию, всем составом переметнувшись в противоестественное вегетарианство, то меньше чем через пять минут... две минуты... ну вот...

– Глянь-кась, честные граждане, живой хорунжий с мёртвым телом на плечах удрать пытается. А ить какой наивкуснейший бутерброд так чудесно самообразовался!

Я с тоской уставился на четвёрку незнакомых вурдалаков, радостно направляющихся ко мне с соседней улицы. Добежать до хозяйских ворот с покойником на горбу никак не успею. А бросить курьера нельзя...

– Отрезай его от дворца, братцы! Ужо откушаем, раз само в зубы идёт! Грех такую вкуснятину упускать, а ежели Хозяйка сердиться вздумает, так можно её казачка и не есть, а тока пооблизывать, так ить?

Навстречу упырям бодро выдвинулись три абсолютно голые ведьмочки. При любом взгляде, хоть человеческом, хоть волшебном, молоды, хороши и не обременены одеждою. И что я скажу Катеньке, коли они меня и впрямь облизывать станут?

И тут я боковым зрением углядел две знакомые фигуры, пытающиеся незамеченными прошмыгнуть через площадь...

– Моня! Шлёма! Приятели драгоценные! А ну стоять, куда по лету лыжи наострили?!

Двое распрекрасных добрых молодцев, кровь с молоком, аршин в плечах, кудри русы, глаза сини, застыли на полушаге, задрав левую ногу и понимая, что убесть-то уже и не выйдет...

– Да вижу я вас, вижу, упыри-патриоты! Двигай сюда, вона покойником свежим Хозяйка одарила, а мне его в одиночку волочить – тока живот надорвать. Не поможете ли, за свою долю?

Я знал, что предложить. В единый миг двое лысых упырей самой неброской внешности, верных дружбе и аппетиту, закрыли меня с курьером от всех прочих посягательств.

– Ну чё, народ? Чё рты-то пораззявили? Али не видите, что хорунжий друганов своих верных угощением побаловать сподобился, – явно подражая церковной манере речи отца Григория, начал орать Шлёма, он вообще у нас любитель глотку драть. – Вот и отвалите отсель! Нам и троим мало.

– А поделиться по-джентльменски? – жалобно взвыли ведьмы.

– Джентльмены – это в Англии, – значимо напомнил интеллигентный Моня. – Так мы тут, в России, иноземщину не приветствуем.

– Ну хучь пальцев на бульон поотрубайте, жадины! А мы вам за это покажем кой-чего...

– Чё вы нам показать можете? Чего б мы уже не видали? – резонно отмёл последнюю надежду голых девиц хамоватый упырь. – А ты, казачок, тоже давай не искушай бедных баб без нужды. Волокём трупяка к нам до хаты, там и разделаем.

Я кивнул. Сейчас главное с открытой площади убраться, а с этими двумя комиками уж как-нибудь столкнемся, не в первый раз. Хотя чётко продуманного плана у меня, как всегда, не было, однако же бог не выдаст, свинья не съест, выкручусь уж небось. Мы повернули за Хозяйкин дворец и через квартал свернули налево, потом ещё квартал. Я уже весь взмок, таскать на горбу мёртвое тело не удовольствие ни в коем разе. Моню и Шлёму о помощи не попросишь, эти двое ещё отгрызут чего у царского курьера, а он мне целиком нужен. Принесу хоть чуток обглоданного, меня в полку не поймут, скажут, совсем атаманов племянничек с ума съехал. И ведь на голод не спишешь, кормят у нас хорошо.

– Отвали, собаки горбатые! – рявкал Шлёма, делая страшные глаза каждому, кто только попадался нам по дороге. – Это наш хорунжий, и только нам, по доброй воле, свежее мясо несёт! Делёжке не подлежащее, на халяву не раздаваемое, а за деньги и у Павлушечки требуху зелёную купите. Пошли вон и не смей тут даже принюхиваться!

Более тихий и интеллигентный Моня ни на кого голос не повышал, но двух стареньких бабок-кровососок пнул в тыл коленом без малейшего пиетету и извинений. А с одним колдуном, набежавшим на запах курьера, сцепился столь отчаянно, что выдрал ему полбороды. Я даже разрешил вытащить из-за голенища свою нагайку во временное пользование, и счастливый упырь оторвался на всю катушку, уже сам задиристым петухом кидаясь на каждого встречного-поперечного. Честно говоря, я даже побоялся на миг, что с таким пылом он об чужие спины мне всю плеть измочалит, но мы вроде уж пришли.

– Заходи, Иловайский, гостем будешь! – Шлёмка приветливо распахнул передо мной железную дверь в подвал разваливающегося кирпичного дома. – Сразу предупреждаю, едят у нас в левом углу, а гадют в правом. Не перепутай, ежели чё...

Мне резко расхотелось туда спускаться. Но сзади вежливо подтолкнул Мона, и я, чтоб не упасть, был вынужден выпустить труп курьера. Несчастный рухнул вниз, сломав пару ступеней и, судя по воплю, попав оставшейся шпорой в филейную часть гостеприимного Шлёмы.

– Сильно порезался? – виновато уточнил я.

– Девственность не потерял, и уже спасибо, – буркнул упырь, выворачивая шею так, чтоб исхитриться осмотреть дыру в штанах. – Монька, чё присматриваешься, как дьяк к попадье, заходи уже! Свечку зажги, чё ли, да дверь прикрой, шас на троих трапезничать будем. А ты, хорунжий, чё пистолет-то достал? Не бойсь, тут мы в безопасности...

– Он в безопасности, – поправил быстро сообразивший второй упырь, осторожно кладя к моим ногам нагайку, и, подняв руки, отступил к стене.

– То исть чё, делиться не будет?

– Не...

– Сам всё сожрёт?

– Не...

– А чё тогда? Нас, чё ли, до кучи постреляет да мясную лавку, конкуренции ради, откроет здесь же?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.